

18+

СБОРНИК РАССКАЗОВ

С НОВЫМ ГОДОМ, Папа!

Сергей Кулагин
С Новым годом, Папа!

«Издательские решения»

Кулагин С. М.

С Новым годом, Папа! / С. М. Кулагин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531960-9

Посвящается моему папе Кулагину Михаилу Емельяновичу. За восемь дней до Нового года он ушёл, но в памяти родных и близких останется навсегда. Новый 2021 год встретили без него, но сегодня я говорю: «С Новым годом, папа!» Я глубоко признателен всем, кто помогал мне при составлении сборника.

ISBN 978-5-00-531960-9

© Кулагин С. М.
© Издательские решения

Содержание

С НОВЫМ ГОДОМ, ПАПА!	6
Сергей Кулагин. МЕЧТЫ И ПОДАРКИ	7
Григорий Родственников, Саша Веселов. КОГДА ХОЧЕТСЯ ЧУДА	8
Часть первая. Разбитое зеркало	8
Часть вторая. Чудо	12
Сергей Кулагин. МАРС	18
Виктория Радионова. МУЖЧИНА ДЕДМОРОЗОВСКОГО ВОЗРАСТА	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

С Новым годом, Папа!

Редактор Сергей Михайлович Кулагин

ISBN 978-5-0053-1960-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С НОВЫМ ГОДОМ, ПАПА!

*Посвящается моему отцу
Кулагину Михаилу Емельяновичу
12.05.1934 – 23.12.2019 гг.*

Сергей Кулагин. МЕЧТЫ И ПОДАРКИ

Всю свою сознательную жизнь мы о чём-то мечтаем. Наши желания можно разбить на две категории. Первая – та, что мы хотим сейчас, как говорится: «вынь, да положи». Созрела «хочуха», а откуда вынь, и кто положи – по барабану. Но многие люди видят в этом смысл всей жизни. И вроде мечта плюнуть не во что, и человек так себе, но результат получен, и пешка мнит себя королём. Вторая, во многом зависит от нашего воображения, желаний близких и домашней библиотеки. С любимыми книгами мы совершаем полёты к звёздам, познаем другие реальности, и обретаем бессмертие... Не смейтесь, но чаще «по уму» и достижения.

Основа хорошего подарка – наши мечты. О каких подарках мы мечтаем? Какие их них правильные, а какие нет? И так ли это важно? Списки можно выдавать рукописями и не один день. Но есть Главный подарок и он не на год, он на всю жизнь. Скоро Новый год. Я неустанно повторяю: «Можешь ничего мне не приносить, только очень прошу – Никого у меня не забирай!»

Григорий Родственников, Саша Веселов. КОГДА ХОЧЕТСЯ ЧУДА

Часть первая. Разбитое зеркало

На площади перед гостиницей высилась электротехническая инсталляция. Она, по замыслу создателей, хаотичным мельтешением гирлянд должна была уведомлять граждан о грядущем рождестве, празднике и чуде. Скрипучий китайский синтезатор неутомимо с акцентом воспроизводил Jingle Bells, а лазерный проектор под дождливым декабрьским небом разбрасывал по площади мириады разноцветных снежинок.

Если посмотреть из окна гостиничного номера вниз, то не сразу можно было заметить в световых хитросплетениях человека, сидевшего на мокром зелёном синтетическом ковре на полпути от хай-тековской ёлки до края тротуара. За неподвижной фигурой разыгрывали своё маленькое трагическое представление мигалки машин специальных служб, полиции и «скорой». Человек не замечал ни дождя, ни сырости, не слышал ночной Москвы, мокрой и гулкой, у него не осталось сил, чтобы подняться, начать думать, действовать, жить. Мысли путались, не повиновались, растворялись в озаряемом яркими всполохами плачущем небе. И лишь одно чувство навязчиво будоражило сознание. Хотелось чуда. Чуда настоящего и прямо сейчас. Хотелось остановить время. Немного отмотать хронику назад. Он тряс головой, зажмурился, но чудо не происходило. Нереальная реальность происшедшего требовала признания вины, приговор ещё не объявили, но казнь уже состоялась.

Ольга умерла. Несколько дней назад то ли из любопытства, то ли на всякий случай, то ли просто так, чтобы об этом можно было похвастать, она открыла в смартфоне мужа доступ приложениям, помогающим в поиске детей, стариков и домашних животных. Сергей излишней конспирацией тяготился, пароли не менял, телефон не прятал. И вот, ведомая услужливым сигналом геолокации с его смартфона, Ольга возникла на пороге гостиничного номера, из которого Сергей полчаса назад сообщил ей, что в конце года много работы, и он вынужден задержаться в офисе.

Скандал был ярким, как вспышка магния, и таким же коротким. Мизансцена – муж в одной рубашке на двуспальной кровати склоняется над девушкой, пока ещё целомудренно одетой в стринги, – не оставляла Ольге пространства для разнообразия трактовок, хотя Сергей и был готов попытаться предложить их.

Жена решительно подошла к сервировочному столику, на котором покоилась ваза с фруктами, бутылка коньяка, сок, шоколад... Основательный, покрытый ребристой чешуёй бокал впустил в себя тяжесть качественного пойла в приличном объёме. Ольга выпила большими глотками коньяк, бросила бокал в сторону мужа и любовницы, не попала, разбила зеркало над кроватью.

Пошла к выходу. На пороге остановилась, не поворачивая головы, сказала бесцветно:
– Звонил врач. У Наташки рецидив, велел готовиться...

Пока Сергей лихорадочно одевался, Ольга уже выскочила из гостиницы. Не замечая ничего вокруг сквозь слёзы, пробежала по танцующим снежинкам. Подземный переход был рядом, но она пошла прямо по мостовой. Перед ней оставалось ещё шесть полос автомобильного движения, когда разгоняемый трёхлитровым двигателем лексус подбросил женщину и её слёзы в небо. Когда они упали на асфальт, из гостиничного холла выбежал Сергей.

Ольги не стало. Потом началась унижительная протокольная часть оформления событий. А в больнице на Парковой в это время умирала Наташа – их дочь. Наташенька. Отношения с дочерью у Сергея разладились незаметно. Он просто не почувствовал, когда руки Наташеньки, с самого детства крепко обнимающие его за шею, разжались. У неё были свои интересы, появились секреты, поклонники. Она выросла, и он этого не заметил. А на третьем курсе у девушки диагностировали рак.

Сергей после отъезда скорой не мог стоять на ногах. Ни чувств, ни мыслей не было, только казалось, что кошмар можно остановить. Разноцветные снежинки роились вокруг него на мокром московском асфальте. Их легко убрать, изменив настройки проектора. Так же и в жизни. Чуть-чуть поменять что-нибудь в последовательности событий, и неотвратимость станет случайностью. А случайность просто не случится. И всё будет по-другому. Всё будет хорошо.

Сергей сидел на зелёном синтетическом ковре и мечтал о чуде. В возможность которого никогда не верил. Кто-то очень близкий однажды сказал ему, что чудес не бывает, и он согласился, и прожил после этого целую жизнь. Ему хотелось жить, ему нравилась работа, внимание женщин, успех в делах, к которому он шёл долго, но он не знал, как теперь сможет жить дальше, если не случится чуда.

*Когда захочется чуда,
Не смей ни о чём жалеть, —
Христос говорит Иуде,
Готовясь с утра умереть.*

*Жалеть ни о чём не придётся
В открытых объятьях креста,
Чудо не продаётся.
Христос не отвёл уста.*

За спиной негромко кашлянули, но Сергей не повернул головы. Тогда кто-то осторожно тронул его за плечо. Сквозь мокрый туман, плывущий перед глазами, разглядеть человека было сложно. Сергей разлепил пересохшие губы:

– Что нужно?

Подошедшим оказался здешний портье, он ещё раз доверительно откашлялся.

– Простите, Сергей Анатольевич, я в курсе... так сказать... примите соболезнования. И прошу простить. Но служба, знаете ли...

– Что вы хотите?

– Номер сняли на три часа... Но уже прошло больше трёх. Кроме того, ваша знакомая разбила зеркало...

– Это была моя жена, – вздохнул Сергей. – Она погибла.

– Прошу меня простить. Понимаю. Такая трагедия. Но зеркало... Та дама, что была с вами, сказала, что денег у неё нет. А зеркала у нас в каждом номере эксклюзивные...

Сергей протянул гостиничному администратору кредитную карточку.

– Я сейчас не в состоянии слушать... давайте поскорее закончим.

Закончили быстро.

– Всё в порядке, Сергей Анатольевич. Может быть, вам такси заказать?

– Нет, спасибо.

Сергей поднялся, посмотрел в сторону проспекта, на котором блеснул маячками бело-красный автомобиль. И тотчас поймал себя на мысли, что не узнал, в какой морг отвезут

Ольгу! Медик в синей спецовке что-то говорил, но он ничего не запомнил. Сергей огляделся. Вокруг мельтешили разноцветные огни, рекламные щиты подмигивали квадратными глазами и обещали в новом году исключительные разномастные чудеса. А ему нужно было лишь одно. Какое? Он и сам точно не знал. Но оно требовалось позарез, как воздух, как глоток воды умирающему в пустыне.

«Господи, – прошептал Сергей, – если ты есть... Сделай так, чтобы...». Он запнулся, потому что не знал, как нужно молиться и что именно попросить. Ольгу ведь не вернёшь. Она ушла навсегда. Тогда какое может быть чудо?

Остро захотелось закурить. Но он уже два года не курит – бросил. Напиться? Нельзя. Сегодня уже поздно. А завтра предстоит оформлять бумаги, морг, загс, похоронный агент. А ещё надо в больницу – навестить дочь. При воспоминании о Наташе сердце заныло. Сергей осторожно помассировал грудь ладонью и медленно двинулся прочь. Прочь от гостиницы, от пышущего огнями проспекта, на котором огромный хищномордый лексус растоптал его удобную отлаженную жизнь.

Дома он прямо в одежде упал на кровать и долго лежал без движения. Потом с трудом поднялся и поплёлся в прихожую, где на тумбочке стоял телефон. Злость на медлительных бюрократов немного развеяла горе. Сергей кричал, матерился, десятки раз повторяя одно и то же: «Ольга Андреевна Дронова!», «Я её муж, Сергей Дронов!», «Да, мне надо узнать, в какой морг её отвезли!»

Странно, но, получив нужную информацию, он снова впал в протрацию. Мерил шагами комнату, бессмысленно переставлял бокалы на праздничном столе, потом, вспомнив, что до сих пор ходит в верхней одежде, сбросил пальто и ботинки прямо на пол посреди гостиной. Взгляд упал на стеклянные створки бара, за которыми в электрическом свете выпячивал округлые бока дорогой коньяк. Сергей от души плеснул в простой тонкостенный стакан янтарного пойла, затем, подумав, наполнил до краёв. Залпом выпил, подхватил с тарелки дольку лимона, сунул в рот. Не опьянел, наоборот, голова немного прояснилась. Ольга сказала, что у Наташи рецидив. Как жестоко наказывает нас уходящий год!

Дронов вытащил из кармана мобильный, нашёл номер заведующего онкологическим отделением. Тот сразу же взял трубку, словно ждал.

– Здравствуйте, Сергей Анатольевич! С Новым годом!

– Вас тоже, Вардан Оганесович. Я по поводу Наташи. Что случилось?

– Собственно говоря, я предупреждал вас, что подобные приступы будут повторяться. Вы же сами понимаете, Сергей Анатольевич, что рак четвёртой стадии – это...

– Я понимаю. А что произошло?

– Был генерализованный судорожный припадок, достаточно длительный. Но сейчас состояние стабильное.

– Вардан Оганесович, у нас горе. Ольга, мама Наташи, умерла...

Врач на том конце провода долго охал и причитал. Сергей терпеливо ждал. И лишь когда заведующий пожелал ему крепости духа, спросил:

– Второго я смогу отвезти Наташу на похороны?

– Ни в коем случае! Девочку в таком состоянии нельзя травмировать! Вы её такими потрясениями в статус введёте. А потом скажете, мы виноваты.

– Вы предлагаете вообще не говорить ей о смерти матери?

– Э-это, как сказать... Информация такого рода для неё сейчас, конечно, нежелательна.

Но опять же... скрывать такое...

– Я вас понял. До свидания, Вардан Оганесович.

Сергей раздражённо швырнул мобильник на стол.

– Хитрожопый лекарь! Крутит! Деньги сосёт. А улучшений нет. Обещал чуть ли не выздоровление, сукин кот!

Настенные часы гулко пробили двенадцать. Сергей нервно рассмеялся:

– Ну, здравствуй, Новый год! Чтоб тебя!

Вновь наполнил стакан до краев. Выпил.

– Да провались оно всё пропадом!

Стакан с размаху полетел в стену и осыпался облаком мелкого стеклянного крошева. И Сергей почувствовал, что ему стало легче. Он грохнул об пол белую фарфоровую тарелку, криво улыбнулся, пьяным глазом выискивая среди осколков очертания знакомых материков или островов, но на полу перед ним лежала не наша география, лежала другая планета.

– Эй, как там у вас? Счастье есть? – прокричал он, засмеялся и запел – громко, не попадая в ноты, но с большим чувством:

*Счастливым быть нелепая затея,
Про счастье нам со школьной парты врут,
О счастье представленья не имея,
Учителя... Ученики ревут,
Когда потом не дважды два четыре,
Когда умножат жизнь свою на ноль...
Счастливым быть не просто в этом мире,
но если очень хочется, изволь!*

Всхлипнул на последней фразе. Потом долго кружил по дому, смеялся и плакал, пил коньяк, бил посуду и декламировал стихи. Сергей всю жизнь мучительно прятался от собственных стихов, а они преследовали его с юности, с той весны, когда он впервые обнаружил, с какой уверенной невероятной силой его сводит с ума едва проклюнувшаяся клейкая зелень листьев в саду возле дома. А солнечные пятна, встреченные на стене его комнаты в первый миг после пробуждения, могут рассказать всё о настроении вселенной и в этот миг, и в любой другой миг от сотворения мира. Стихи хлынули из него как река, прорвавшая в половодье плотину. Они даже нравились ему до тех пор, пока не понял, что стихи никого никогда не делают счастливым, даже не кормят.

В армии его талант был мишенью для шуток, старшина, правда, несколько выделял Сергея из общего ряда, обращаясь к бойцам радиороты, в которой проходила служба: «Слушайте меня, поэты и пидорасы!» Потом институт. Перестройка растворила поэта среди офисного планктона. Женился и жил как все. Потом Сергею повезло, счастливая встреча с приятелем из прошлой жизни сделала его директором рекламного агентства, небольшого, но прибыльного. Стихи в свободное от работы время теперь можно было бы писать, продвигать, издавать. Но уже не хотелось.

*Счастливым быть не просто в этом мире,
но если очень хочется, изволь!
Изволь, Поэт, в глаза царю засмейся,
и обличь в невежестве глупца,
перед тобою в мантии судейской
стоящего. Будь счастлив до конца!*

Утром Дронов проснулся рано, не обращая внимания на разгром, брезгливо перешагивая через материки и океаны, прошёл в ванную, побрился, переоделся. Сварил себе крепкий кофе и выпил большими глотками, с ужасом ощущая, что не испытывает ни похмелья, ни угрызений

совести. На душе было пасмурно, но не из-за трагедии, а от обиды и разочарования. Чтобы разобраться с этими ощущениями, Сергей не сел за руль, а прошёл пешком до метро и потом так же пешком добрался до больницы.

Часть вторая. Чудо

Несмотря на множество цветастых плакатов «С Новым Годом!», приклеенных рожц снеговиков и дедов морозов, праздника не ощущалось. Шёл дождь. Снега не было. Какая-то пустота и усталость поселились в городе. Не вчера поселились. И не он это сказал.

В больничном корпусе было тихо и пусто. Обитель скорби встретила Дронова гулкими коридорами и приторным запахом лекарств. Шурша синими бахилами, он дошёл до сестринского поста и поздоровался с заспанной угрюмой дежурной. Та вяло кивнула в ответ. Сергей поймал себя на мысли, что пришёл с пустыми руками. «Надо было хоть конфет медсёстрам купить».

Вот и Наташкина палата. Одноместная и до ужаса крошечная. Маленький печальный мирок, отделяющий её обительницу от громадного счастливого мира здоровых людей. Белая казённая дверь с порядковым номером сорок два. Сергей застыл перед ней, не решаясь войти. Вчера всё случилось... В четырёхста двадцатом. Он оглянулся на медсестру. Та смотрела на него с каким-то брезгливым выражением. Чертыхнувшись про себя, Дронов решительно толкнул дверь.

Сердце болезненно сжалось и заколотилось. Наташенька! Как же изгрызла тебя проклятая болезнь. Худенькая трогательная фигурка, сидящая на краешке кровати с книгой на коленях. При его появлении дочь оторвалась от чтения и взглянула на него огромными васильковыми глазами. На осунувшемся иссохшем личике они казались бескрайними озёрами. Лучистыми, искрящимися. Единственно живыми посреди пожелтевшей угасающей плоти.

– Наташа, – Сергей запнулся. Все фразы, что он собирался сказать, внезапно вылетели из памяти и кружились в голове бессмысленными рваными обрывками. – Наташа...

Бледные губки дрогнули.

– Зачем пришёл? Я сказала, что не хочу тебя больше видеть.

И от этого спокойного равнодушного голоса в душе Сергея вновь вспыхнула яркая горячая обида.

– Наташа! Мы должны поговорить! Так не может больше продолжаться!

– Я уже всё сказала.

– Ты не понимаешь. Мы – одна семья. Я люблю тебя.

– Ты никогда никого не любил. Когда меня не станет – я хочу, чтобы мама развелась с тобой.

– Что ты говоришь, доченька?!

– Ты мне омерзителен. А мама – святая. Никто бы не смог терпеть такое унижение, ложь и постоянные измены. Уходи. И не приходи больше.

– Наташа! – Сергей рванулся к ней, но та швырнула в него книгу.

– Убирайся!

Дронов поплёлся к двери. На пороге остановился и, не глядя на дочь, проговорил:

– Мамы больше нет. Она погибла. Завтра похороны.

Реакция дочери напугала его. Такого исступлённого глубинного звериного рыка он не ожидал.

Наташа сидела на кровати и выла. Слезы ручьями сбегали по скуластому пергаментному личику, губы кривились, тело сотрясала дрожь.

– Ты врешь! Ты всё врешь! Ты нарочно... Ты виноват!

– Наташенька...

Дочь вскочила, подбежала к нему и заколотила по груди костистыми кулачками:

– Сволочь! Гадина! Ты убил её! Мерзавец!

Дронов опешил.

– Её сбила машина...

– Убийца! Убийца! Убийца!

Силы покинули больную, она опустилась на колени и тяжело задыхалась. Голос стал хриплым.

– Ненавижу тебя... Проклинаю...

Сергей сам не заметил, когда из его глаз хлынули слёзы. Он всхлипывал, обнимал дочь и причитал:

– Прости меня, Наташенька, прости. Умоляю тебя!

Дочь высвободилась из его объятий. Синие глаза метнули молнии.

– Я никогда не прощу тебя! Никогда!

А потом её тело выгнулось дугой, рот свело судорогой, и она забилась на полу, как вытасченная на берег рыба.

Сергей с ужасом смотрел на неё, затем опомнился, выскочил из палаты и завопил:

– Врача! Скорее!

– Что случилось? – дежурная медсестра недовольно нахмурилась.

– Что ты сидишь, дура! Врача быстрее! Заведующему звони!

– У Вардана Оганесовича сегодня выходной!

– Быстрее, сука! Кого-нибудь!

Дронов метался по коридору, кричал, матерился. Прибежавший охранник что-то втолковывал ему, предлагал успокоиться, потом куда-то тащил. Сергей вырывался, перемежал матерную брань всхлипываниями, и обречённо замолчал, лишь когда в палату к Наташе быстрым шагом вошёл врач, следом семенила медсестра, неся в металлическом лотке шприц.

Ожидание показалось вечностью. Наконец палатная дверь открылась. Врач выглядел усталым и раздражённым.

– Хочу напомнить вам, Сергей Анатольевич, что вы находитесь в отделении для терминальных больных. Им нужен покой. Вы своими криками взбаламутили всех. Нельзя так себя вести. Вы всё же мужчина, а не истеричная дама.

– Простите, – промямлил Дронов. Он никак не мог вспомнить имя-отчество доктора. – Я испугался. У Наташи был приступ, и я подумал...

– А что вы, собственно, хотели? Я уже говорил вашей супруге, что болезнь прогрессирует и нужно готовиться.

– Готовиться к чему?

– Больная угасает. Я не знаю, сколько ей осталось. Но вы должны быть готовы. Криками здесь не поможешь. Потому попрошу вас на будущее сдерживать эмоции. Всего хорошего, – врач круто развернулся и быстрым шагом пошёл прочь.

Дронов почувствовал, как ослабели ноги. Увидел в конце коридора узкий топчан и поплёлся к нему. Не сел, а упал. Тяжело перевёл дух. «Как всё глупо вышло. Действительно, орал как базарная баба, а Наташа... Зачем она сказала, что никогда не простит? Неужели она умрёт и будет считать его мерзавцем? Как после этого жить? Или порвать этот клубок горестей одним махом? Самому уйти в вечность? Раз – и всё! Никаких мыслей, переживаний, терзаний».

*Он верит, что выносит приговор,
и при немом свидетельстве осины,
приняв за искупление позор,
ей оставляет имя, а не сыну.*

*Не позавидуй участи глупца,
Теперь, какую цену ни назначь,
не поменять судьбу, до самого конца
он сам себе судья, и сам себе палач.*

– Это не выход, – услышал он слева от себя незнакомый голос.

Сергей вздрогнул, повернул голову. Рядом сидел охранник. Вроде тот самый, что пытался успокоить его. Большеносый пожилой дядька. Лысый череп сияет в обрамлении густой и ослепительной седины. Лицо почти красное, испещрено сетью морщин и отчётливо различимой сеткой ярких сосудов, особенно выделяющихся на скулах, под глазами и на щеках. Лицо не красивое, но притягательное чрезмерностью всего, из чего составлено. Нос огромный, вероятно одолженный у кого-то из клоунов цирка дю солей, глаза голубые, широко посаженные, постоянно оказывались то поверх, то сбоку толстых линз очков без оправы. Стеклышки держались на золотых дужках, казалось, он носил их безо всякой надобности, потому что всякий раз, желая рассмотреть какой-либо предмет вблизи попристальнее, он опускал линзы мясистым указательным пальцем ниже глаз, а изучая обстановку вокруг себя, тем же пальцем приподнимал их. Рот большой. Губы толстые. Подбородок маленький, с кулачок, но совершенно круглый и выбрит идеально. Никаких родинок или шрамов на лице нет, лишь правая бровь неестественно разделена надвое просекой. Эта бровь состояла как бы из двух рожиц кустистых белоснежных волос, расположенных под углом друг к другу. Она придавала лицу охранника какую-то чудинку весёлого лукавства.

Сергей нахмурился, ему было не до смеха, принимать от кого бы то ни было сейчас утешения или выслушивать увещевания он был не намерен.

– Что вы хотите?

– Я бы, наверное, сейчас чаю выпил, но у вас как раз возникло нелепое желание, потакать которому я не намерен, и потому сообщил вам, что это не выход! – с оттенком учтивой старомодности, голосом тихим, но твёрдым и решительным ответил чудной охранник.

– Не понимаю, о чём вы. – Сергей попытался встать, прекратить пустой разговор и уйти.

– Однако не торопитесь, – охранник удержал его, ловко и разлаписто ухватив за полу распахнутого белого халата, – послушайте, не помню кто автор, но было так: мы мир вокруг считаем иллюзорным, когда, собой довольные вполне, живём, во всём своей судьбе покорны, и плачем, если в жизни счастья нет... как там дальше... мы ищем выход – двери все закрыты, когда нам худо, если хорошо – мы... Дальше забыл. Не подскажете?

– Мы остаёмся, поиски забыты, забыты все, кто выход не нашёл... – глухо продолжил Дронов, с отчаянием припоминая стихи, написанные им в институтской молодости в толстой коленкоровой тетрадке с надписью сделанной шариковой ручкой «Дуркование как точная наука». – Кто вы?

Собеседник посмотрел на него поверх очков и отвечал тоном учителя, никак не желающего вlepить очередной неуд двоечнику, к которому испытывал симпатию:

– Разве не понятно? Ну, давайте, догадывайтесь!

– На Деда Мороза не очень похожи...

Старик сухо рассмеялся, прикрыв губы плотной ладонью.

– Извините, не удержался. Но в чём-то вы правы. Я тоже могу исполнять желания.

– Я не верю в чудеса, – глухо проговорил Сергей, пытаясь вспомнить собеседника. Откуда тот знает его стихи? Стоп. Помнится, выкладывал на литературных сайтах. Наверное, и этот стих тоже. Тайный поклонник? Но откуда он знает его в лицо?

– А напрасно не верите, – вздохнул охранник. – По вере вашей воздастся.

– Вы тоже поэт? С портала «Стихи.ру»?

– Ну что вы? – показалось, старик обиделся.

– Значит, с другого сайта. Мне кажется, я видел вашу фотографию...

– Извините, молодой человек, но это баловство. У меня есть дела поважнее, чем протирать штаны в виртуале.

– Тогда я ничего не понимаю, – развёл руками Дронов. – У меня ощущение, что мы всё-таки знакомы.

– Так и есть. Вы алчете чуда, хоть и не желаете признаться. Я давно наблюдаю за вами. Сейчас вы слишком близко подошли к пропасти, и я не мог не вмешаться. К сожалению, я не всемогущ. Но одно желание исполнить могу. Что вас тяготит?

Дронов взглянул в увеличенные линзами очков большие добрые глаза, и его прорвало. Он говорил быстро, давясь и захлёбываясь словами:

– Прощение! Мне не хватает прощения! Меня не простила жена! Я мучил её, изменял! Я думал, она не догадывается, но она давно поняла! Я бы сейчас упал перед ней на колени и умолял простить, но я не успел! Слышите?! Не успел! А сейчас моя дочь при смерти! И она тоже не желает прощать! Она ненавидит, презирает, проклинает меня! Последний дорогой мне человек отвернулся от меня! Я не могу с этим жить! Если она уйдёт с обидой – я не выдержу, покончу с собой!

– Я понял, – глухо сказал старик, – но предлагаю подумать. Может быть, есть более весомое желание? Не торопитесь. Советовать не могу, но...

– Да что весомее?! – голос Дронова задрожал. – Что может быть важнее покаяния?! Я – грешник, не верующий ни во что! Но я осознал свои грехи! Я понял, что жил, как свинья! Я хочу всё исправить! И – исправлю! Но на это нужно время! А его нет, потому что Наташа уйдёт. Уйдёт с обидой на меня, и моё сердце не выдержит такого удара! Мне нужно её прощение! Слышите?! – Сергей ухватил охранника за воротник форменной спецовки и встряхнул так, что у того с носа слетели очки.

Старик охнул, нахмурился, оттолкнул Дронова и, кряхтя, поднял с пола очки. Сокрушённо покачал головой, разглядывая стёкла. Потом тяжело вздохнул.

– Я услышал. Да будет так. Наталья прощает тебя.

– Что? – не поверил Сергей. – Прощает?

Охранник поднялся и, не глядя на него, пошёл по коридору.

– Эй, погодите! – закричал Дронов. – Это не смешно! Такими вещами не шутят!

Старик не остановился. Он шёл, шаркая ногами и сутулясь. Левая рука ощутимо подрагивала, как у страдающего Паркинсоном.

– Прощает, – повторил Сергей. Странно, но ему вдруг захотелось поверить в это невозможное немислимое чудо.

Он осторожно открыл дверь в палату дочери.

– Папочка, – Наташа смотрела на него и улыбалась.

– Доченька...

Дронов бросился к ней, обнял, прижал хрупкое и родное тело, осторожно гладил, приговаривая:

– Милая, милая моя. Ты правда прощаешь меня?

– Прости меня, папа. Я была дурой. Я только сейчас поняла, как люблю тебя. Мне было жаль маму, вот я и вбила в голову, что виноват ты. А ты просто слабохарактерный. Чужие женщины брали тебя, как чемодан, и несли, куда им нужно, а ты просто не мог им отказать...

Сергею было странно и непривычно слушать такое от дочери. Ему хотелось крикнуть: «Нет, Наташа, я сам волочился за каждой юбкой, добивался, охмурял, потому что я самый настоящий кобель. Я даже не помню, сколько раз изменял Ольге. И мне нравилась такая жизнь. Нравилась, пока не случилась то, что случилось».

– Спасибо, доченька. Я очень виноват перед тобой и мамой.

– Мама добрая. Она всегда любила тебя. Я знаю, она давно всё простила. Она сейчас смотрит на нас и радуется. И я хочу, чтобы ты не думал обо мне плохо. Ты правильно сказал: мы – одна семья. Я ни в чём не виню тебя, папа. Я очень люблю тебя...

А потом руки дочери соскользнули с его плеч. Он ещё прижимал её худенькое тельце, что-то шептал на ухо, но в сознание уже ворвался ледяной вихрь понимания: Наташи больше нет.

Он долго тряс её, просил очнуться, но отчётливо осознавал: Чуда больше не будет. Ему предоставили выбор. И он выбрал прощение.

Дронов осторожно опустил почти невесомое тело дочери на кровать и тихо, обречённо заскулил. Что он натворил?! Ведь можно было попросить выздоровление! Почему, как кретин, он требовал покаяния?! Наташа бы справилась с болезнью, а он бы нашёл способ вернуть её доверие! А может, ещё не поздно всё изменить?!

Дронов, как ужаленный выскочил из палаты.

– Где он?!

Дежурная медсестра недоумённо уставилась на него.

– Кто?

– Старик-охранник! Я только что разговаривал с ним!

– Вы ошибаетесь. Здесь не было никакого охранника.

– Да мы пять минут назад беседовали с ним! Сидели на том сером топчане!

– Вы заблуждаетесь. Я никого не видела.

– Да вы бредите! Такой лысый старик в очках, в форме. Нос с синими прожилками, как у пьяницы!

Медсестра сочувственно посмотрела на него.

– Мне очень жаль, но вы путаете. У вас горе. Я сейчас позову дежурного врача. Он даст вам успокаивающее.

– Да к чёрту ваши пилюли! Вы не могли не видеть его! Мы сидели на диване в двадцати метрах от вас! Вы ослепли?! Такой смешной нелепый старик!

– Успокойтесь, пожалуйста. Дело в том, что в нашем отделении нет охранников. Секьюрити только на первом этаже. И там дежурят женщины.

– Женщины? – опешил Дронов. – А как же...

– Мне очень жаль.

* * *

В больничном холле Дронов дождался приятеля, который, несмотря на праздник, бросил все дела и вызвался помочь. Встретились, обнялись.

– Старик, ты это... не раскисай, – приятель потрепал Сергея по плечу. – Понимаю, как тебе тяжело. Но надо жить.

– Послушай, – неожиданно спросил Дронов, – ты веришь в добрых духов?

– Чего? – прищурился тот. – Ты о чём?

Сергей смутился:

– Ну... во всякие чудеса, мистику? Рождественское волшебство?

Приятель хмыкнул и подозрительно покосился на него:

– С тобой всё в порядке?

– Ладно, проехали, – Сергей махнул рукой. – Я очень благодарен тебе. Спасибо.

– Не за что, старик. Ты бы поступил так же.

Погода на дворе вдруг переменялась. Немного похолодало, тучи исчезли, и солнечный свет сквозь огромные окна заливал весь холл, минуя лишь один угол, где за высокой спинкой

кресла от него прятался Сергей. Завтра с утра предстояло забрать из морга Ольгу, на следующий день из здешнего морга – Наташу. Впереди траурные церемонии, прощальные слова и долгая, долгая жизнь. «Надо жить...».

*Там впереди обещанные встречи,
Прощение и главные слова,
О том, что время лучшие слова лечит,
Четыре снова станет дважды два.*

*А может быть, опять пройдя по краю,
Я потеряюсь вновь в чужом краю,
Я ничего о будущем не знаю,
Но и о прошлом песен не пою.*

Сергей Кулагин. МАРС

Это Марс! Сука Марс! Тут нет ничего! Абсолютно! Ни ёлки, ни игрушек. Ни-че-го! Только унылые марсианские пейзажи и я, застрявший на Красной планете.

Я здесь, чтобы в очередной раз собрать научные данные о составе грунта и атмосфере, так как это основной вид деятельности нашего НИИ. Понимаю, что лучше меня эту работу никто не сделает, но заниматься ей в новогодние праздники, чёрт возьми, это уже перебор.

Не буду описывать все превратности судьбы и перечислять обстоятельства продления моей командировки... Увы, это всё равно мне не поможет вернуться на Землю. В общем, сбор данных я послал на три буквы гулять по орбите, а сам закрылся в жилом модуле.

До Нового года оставалось 24 часа 39 минут (длина средних марсианских суток) и сколько-то там долбанных секунд. Нужно что-то решать с ёлкой, праздничным столом и с моими собутыльниками. Как же Новый год и без них?

С гостями я разобрался быстро – запрограммировал включение двух андроидов на новогоднюю ночь (тот самый момент, когда одиночество начнёт медленно превращать меня из обиженного астронавта в напившуюся свинью), присвоил им имена и фамилии директора и зама отдела, в котором числюсь, накачал в ОЗУ роботов тостов и хвалебных дифирамбов во славу себя любимого. Железкам пофиг. Программы после праздника всё равно сотру, а мне «веселому» будет до жути приятно.

Тюбиков со склада натаскал. Подписал их как положено: салат Оливье, крабовый, селёдка под шубой. Ну и всё что вспомнил, но не суть. Самое интересное – это два «флакона», на которых вывел пиво и коньяк. И Звёздочек к коньяку нарисовал, аж семь штук, и затем подключился к искусственному интеллекту жилого модуля.

– Привет, Игорь!

– Привет! – поздоровался ИИ. – Проблемы?

– Две, хотя если комплексно, то одна, – улыбнулся я.

– Сергей, изложите более доходчиво суть проблемы. Я вас не понимаю.

– Игорёк, ёлка блин нужна.

– Ёлка – это палка и иголки, так?

Я кивнул, соглашаясь.

– Предоставите, пожалуйста, материал для изготовления.

– Палку и иголки?

– Любой древесный материал.

Отключаюсь. Слова ИИ резанули ножом по сердцу. У меня нет ничего деревянного. Ни-че-го! Модуль и всё что внутри выполнено из специальных сплавов. Про планету я вообще молчу. Понимаю, во-первых, без ёлки Новый год не праздник, и, во-вторых, я абсолютно не знаю что мне делать дальше. Тюбик с коньяком опустел на треть. Снова подключаюсь к ИИ.

– Предлагаю голографическую модель ёлки образца 2020 года, – сразу же выдаёт ИИ.

– Издеваешься? – рассердившись, спрашиваю я.

– Других вариантов в память не заложено.

Отключаюсь и пополняю марсианский запас ругательств новыми терминами. Снова возвращаю связь и угрюмо мямлю:

– Показывай.

– Жди! – воодушевлённо восклицает ИИ.

В центре комнаты возникает ёлка. Зелёная, раскидистая. Если не знать что она всего лишь изображение, то вполне. Но...

– Слушай умник, а где игрушки?

– Что?

- Ну, шарики-фонарики, гирлянды, мишура и всё такое, – поясняю я.
ИИ молчит. Проходит минута, потом ещё одна, я не выдерживаю и кричу:
– Где, мать твою, всё что я перечислил?
– Информация отсутствует, – не обращая внимания на мои глупые выходки, очень серьёзно произносит ИИ.
– Гонишь? – трагически спрашиваю я.
– В моей программе не заложено...
Резко отключаюсь. Сжимаю голову руками в попытке унять внезапно появившуюся боль. Растираю виски. Боль отступает. Пытаюсь мыслить разумно. Возможно, я просто задаю не те вопросы. Вновь подключаюсь и с надеждой выдыхаю:
– Я могу украсить ёлку своими желаниями?
ИИ молчит. Проходит минута, потом ещё одна, я молчу, лишь сердце ускоряет свой бег. Напряжение растёт. И аллилуйя! ИИ безэмоционально произносит:
– В рамках заложенной программы данная функция допустима.
– Тогда начнём! – решительно произношу я и зависаю.
Тюбик с коньяком стал пуст на половину.
Вот же сука жизнь. До Нового года меньше часа, а разум кипит от нахлынувших желаний. Хочухи носятся внутри черепа в весёлом хороводе и каждая желанна.
– На верхушке установи солнце.
– Может звезду?
– Солнце наше земное. Только слегка притуши, чтобы глаза не заболели от яркого света.
– Установлено.
До Нового года остаётся сорок минут.
– «Зелёная, зелёная трава...», – пропеваю слова из известной песни.
– Идентичный натуральному травяной покров, размещён. Ароматы задействовать?
– Естественно! Что-то ещё есть в комплексе с полянкой?
– Ёжик, яблочко, грибы.
– Оформляй всё!
– Выполнено.
До Нового года остаётся тридцать минут.
– А можно фотографии людей нарисовать на стеклянных шарах и развесить?
– Все девять миллиардов?
На вопрос ИИ улыбаюсь. Здесь на Красной планете все люди в одночасье стали родными, но время поджимает.
– Всех не нужно, только близких и друзей.
– Фотографии размещены.
Смотрю на улыбающиеся лица родственников, одноклассников. Кто-то есть даже из ВК.
– Никого не забыл? Новый год все-таки, – мягко интересуюсь я.
– Я никогда не ошибаюсь. На ёлке все живые и мёртвые.
Лица, лица, лица... Немного страшновато конечно, но приятно. Все! Все рядом.
До Нового года остаётся десять минут.
– Как такое вообще возможно?
– В виртуальном пространстве всё возможно. Стоит только захотеть. Ещё желания будут?
Можно разместить у ёлки Деда Мороза, Снегурочку или снеговика.
– А вместо них можно жену и дочь? – затаив дыхание спрашиваю я.
– В виртуальном пространстве возможно всё. Тут даже тюбик с клюквенным соком превращается в коньяк, – с улыбкой отвечает ИИ.

* * *

Я тихо прокрался на кухню, пока супруга и дочь ещё спали. Сварил кофе. Из головы всё никак не выходил этот сон. Ещё три вторника и наступит Новый год. Я проведу их со своими любимыми. У нас будет ёлка. Будут игрушки, мишура, шампанское и всё-всё, что они только пожелают. Но одного я вспомнить так и не смог: выключили мы с ИИ андроидов или нет?

Виктория Радионова. МУЖЧИНА ДЕДМОРОЗОВСКОГО ВОЗРАСТА

Ночь на четверг ДимДимыч, зам по соцполитике Главы администрации города Х, спал неважнецки: беспрестанно ворочался, то и дело задевая лежащую рядом супругу. А когда она, тяжело вздыхая, оттесняла его мятущееся тело обратно на «мужскую» половину семейного ложа, спящий злобно всхрапывал и остервенело чесал гладковыбритый подбородок со смазливой ямочкой ловеласа.

Пока Алла «сидела» в «Одноклассниках», выкрутасы благоверного её не особо заботили. Мало приятного, конечно, ощущать поблизости порывистое дерганье, но разбудишь – огребёшь по полной:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.